

Лариса Полубояринова

Наследие Вальтера Беньямина в свете *cultural translation*

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_307

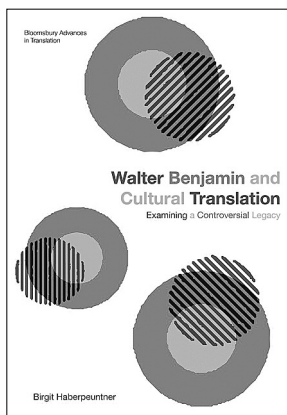
Haberpeuntner B. Walter Benjamin and Cultural Translation: Examining a Controversial Legacy.

London; New York; Dublin: Bloomsbury Academic, 2024. — IX, 199 p. —
(Bloomsbury Advances in Translation).

Венский культуролог и медиатеоретик Биргит Хаберпойнтнер посвятила книгу вопросу о том, в какой мере и каким образом переводческая теория Вальтера Беньямина может быть операционализирована в контексте сегмента гуманитарного знания, именуемого *cultural translation*. Оба ключевых понятия, при всем их обаянии, сохраняют серьезную долю концептуальной непроясненности, что становится предметом рефлексии во Введении.

Туманность и притягательность: постановка проблемы

Своей главной задачей автор видит «неортодоксальное исследование рецепции» Беньямина — а именно его культового эссе «Задача переводчика» и других, тематически связанных с ним текстов, — реализуемое в опоре на «перевод» как методологический принцип:

Я беру за отправную точку перевод немецких текстов Беньямина на английский язык — или, точнее, начинаю с [присущих англоязычному переводу. — Л.П.] моментов конфликтности, беспокойства и [смыслового] смещения, чтобы затем бросить взгляд на возможные новые пространства, открывающиеся в этом процессе. Предметом моего интереса выступают аспекты англоязычной рецепции, потенциально продуктивные, в частности, для дискуссии о *cultural translation*, а также в плане их переструктурирующего и дополняющего эффекта в отношении собственно текстов Беньямина (с. 18).

Чтобы сдвинуться с мертвой точки в соотношении двух в равной мере «туманных и притягательных» сущностей («Obscurity and Tension» — название первой части Введения) — переводческой теории Беньямина и комплекса представлений о *cultural translation*, — Хаберпойнтнер начинает с определения второго понятия. Еще до того, как термин «перевод культуры»¹ был введен в активный оборот Хоми

1 Мы будем использовать этот вариант перевода термина на русский язык, предлагаемый, например, в следующей статье: *Синь Н.* Перевод культуры: взаимосвязи культуры и перевода // Языки. Культуры. Перевод. 2017. № 1. С. 156–164. Он представляется более предпочтительным, нежели используемый тем же автором альтернативный вариант «культуроориентированный перевод» (Там же. С. 162) или калька

Бхабхой в 1991 г., он применялся в этнографии и культурной антропологии 1960–1980-х гг. Став для этих «родных» ему дисциплин в определенный момент «кризисным», понятие перевода культуры активно усваивается новыми парадигмами *cultural studies* и *translational studies*², делаясь одним из центральных, пусть до сих пор и не проясненных до конца исследовательских инструментов³.

Автор сознательно избегает во Введении опоры на толкование термина Х. Бхабхой, по ее мнению, слишком сложное и раскрывающееся лишь в свете переводческой теории Беньямина: о связке «Беньямин — Бхабха» речь пойдет только во второй части книги. Пока же в качестве рабочего определения выдвигается достаточно ясная формулировка Ашока Бери, для которого перевод культуры означает «различные способы, которыми один язык или одна культура могут быть связаны с другими или перенесены в них»⁴.

Гипотеза Хаберпойнтнер состоит в предположении об особой и исключительной продуктивности переводческой теории Беньямина для постструктуралистских и постколониальных исследований. Метафорические «мыслеобразы» (*Denkbilder*) Беньямина, описывающие соотношение оригинала и перевода как сочетание плода и кожуры, тела короля и королевской мантии, чащи леса и его опушки, с неизбежностью порождают представление о некоем зазоре, промежуточном пространстве, «возникающем до того, как правильное слово кристаллизуется». Это пространство, «где вещи могут быть присутствующими и отсутствующими одновременно», подобны «зову сирены для критиков-постструктуралистов» (с. 10), открывших для себя его особенную, в потенции деконструктивистскую перспективу. Кроме того, беньяминовское пространство «между» выступает опорой и гарантией «одного из наиболее продуктивных сближений постструктурализма и постколониализма» (там же), если иметь в виду преимущественно разделительную функцию географической границы в колониальных проектах, которая, как отмечает автор, цитируя авторитетное справочное издание, рисуется и перерисовывается как для изобретения, так и для фиксации «воспринимаемого или желаемого расового, культурного или гендерного разделения»⁵. Один из ярких показателей подобной продук-

с английского «культурный перевод». См.: Бурукина О.А. Метаотношения понятий «культурный код» и «коннотация» в «культурном переводе» // Методологические вопросы. 2019. № 2 (35). С. 16–30.

- 2 Понятие «перевод культуры» возникло, несомненно, в рамках парадигмы «переводческого поворота», подробно описанной в кн.: Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 283–337. В соответствующей главе этой книги есть тезис о понимании культуры «как процесса перевода» (с. 293), о «значимости пограничных и промежуточных областей как пространств перевода» (с. 300), употребляются близкие или идентичные терминологические обозначения, такие как «культурный перевод» (с. 295) и «кросскультурный перевод» (с. 301). Для Бахман-Медик, однако, переводческая теория Беньямина не играет ключевой роли. Хаберпойнтнер, отдавая должное трудам Бахман-Медик, осторожно дистанцируется в своем исследовании от «переводческого поворота», считая этот дискурс «неконтролируемым метафорическим расширением» (с. 15), не вполне подтверждаемым исследовательской практикой.
- 3 В отечественном контексте в направлении сближения двух феноменов — переводческой теории Беньямина и современного понимания культуры, правда, без использования термина «перевод культуры» — движется, например, автор следующей работы: Фарафонова Д.С. Вальтер Беньямин: от теории перевода к теории культуры // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 4. С. 10–25.
- 4 Bery A. *Cultural Translation and Postcolonial Poetry*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 7.
- 5 Key Concepts in Post-colonial Studies / Ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. London: Routledge, 1998. P. 100.

тивности — знаменитое понятие «третьего пространства» (*third space*) Бхабхи, сформулированное в опосредованной опоре на Беньямина. Беньяминовское представление о переводе, по мысли Хаберпойнтнер, дает возможность в контексте постколониальных исследований «переосмыслить пространственные констелляции и, в частности, границу, приписав ей подрывной, творческий и преобразующий потенциал для процесса раскрытия, усложнения и деконструкции бинарных оппозиций» (с. 10).

Беньямин и перевод: улыбка авгура

Формулируя задачу первой части исследования («Вальтер Беньямин»), Хаберпойнтнер пишет о необходимости «создать у читателя ощущение близости» по отношению к переводоведческим работам Беньямина, не упустив при этом из виду их многоаспектность и многогранность (с. 19). Автор, безусловно, имеет в виду основные положения эссе «Задача переводчика» (1921), биографический, теоретический и исторический контексты которого отчетливо прорисовывает в самом начале. Не ограничиваясь этим важнейшим текстом Беньямина — теоретика перевода (называвшего его в письмах своим *credo*), исследовательница заглядывает в поисках ценной переводоведческой рефлексии и в более ранние его сочинения, такие как «Обучение и оценка» (1912–1913) и «О языке вообще и о языке человека» (1916), в его историко-литературные исследования, посвященные немецкому романтизму (первая диссертация) и немецкой барочной драме (вторая диссертация), в медиаэстетические и литературно-критические работы позднего, французского периода и тексты круга «Пассажей», а также в отрывочные рассуждения о переводе, рассеянные в переписке философа. Отдельное значение для продумывания подхода Беньямина к феномену перевода имеют также собственная переводческая практика теоретика, активно переводившего Бодлера и Пруста, и его деятельность в качестве литературного критика, дававшего оценку немецким переводам иностранных стихов и прозы.

Этот раздел книги, хотя и носит во многом обзорный характер, обладает и самостоятельной ценностью. Во-первых, важна систематизация — хронологическая и понятийная — переводоведческой рефлексии теоретика, оставшаяся за пределами беньяминоведения, идет ли речь о соответствующих разделах солидного издания «Беньямин: путеводитель»⁶ или о давнем, но не устаревшем двухтомнике «Понятия Беньямина»⁷. Отсутствие в последнем статьи о понятии перевода, по-видимому, в немалой степени мотивировало Хаберпойнтнер восполнить пробел — она считает себя в методологическом плане последовательницей издателей этого труда. Во-вторых, уже за пределами номинативной «словарности», автор выявляет в наследии Беньямина термины и выражения, близкие в его представлении к понятию перевода (*Übersetzung*), такие как *Umschmelzung* (переплавка) или *Einverleibung* (введение в организм, телесное усвоение).

Наконец, в-третьих, анализ рефлексии Беньямина о переводе приводит автора к выводу о структурной и в конечном счете понятийной близости переводческой деятельности (какой ее понимал Беньямин) к широкому спектру творческой и научной «вторичной работы» с текстами в узком (художественная литература) и ши-

6 Benjamin-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung / Hg. von B. Lindner. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2011.

7 Benjamins Begriffe: In zwei Bd. / Hg. von M. Opitz, E. Wizisla. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000.

роком смысле (культура) — такой, как литературная критика, комментирование, плагиат (у Беньямина — «фальсификация», *Fälschung*). Таким образом, идея универсальности фигуры перевода, питающая современные представления о переводе культуры, зародилась в трудах Беньямина, недаром назвавшего свое «переводческое» эссе в письме Г. фон Гофмансталу «улыбкой авгура» (*Augurenlächeln*, с. 28). Не питая надежды донести добытую им истину до современников («Задача переводчика», как известно, почти не имела рецепции при жизни автора), мудрец со спокойной улыбкой «передоверяет» ее последующим эпохам культуры.

Интерпретируя переводоведческую рефлексию Беньямина, Хаберпойнтнер акцентирует две ключевые его мысли, альтернативные узколингвистическому пониманию перевода с его культом «эквивалентности» и выступающие опорой для анализа перевода культуры во второй части книги. Это отказ от первичности «оригинала» в процессе перевода (первичен, по Беньямину, не исходный и не целевой текст, а первоизданный «чистый язык» — третья инстанция и идеальная основа переводческого процесса)⁸ и особая диалектика «верности» и «свободы» в переводе:

Беньямин переконфигурирует понятия свободы и верности для теории перевода, не ориентированного на воспроизведение инструментального смысла. При этом он, придерживаясь этих терминов, меняет их систему координат. <...> это особый вид верности, а именно такой, который направлен не на *Wiedergabe* (воспроизведение), но на гармонию. Основываясь на таком образом понимаемой «верности», Беньямин вновь подтверждает важность свободы перевода. Стоя на службе верности, свобода осуществляется на материале целевого языка, <...> высвобождая в собственном языке элементы чистого языка, усвоенные через посредство языка чужого. Ключевой стратегией становится неэквивалентная верность, разрушающая [буквально понимаемую — Л.П.] заповедь «передачи смысла» (с. 42).

Продуктивность неточности — 1: аркады vs. пассажи

Ситуацию с переводом беньяминовской «Задачи переводчика» на иностранные языки Игорь Чубаров назвал в свое время безнадежной⁹. Потенциальная продуктивность этой «безнадежности» и становится предметом внимания во второй, главной части рецензируемой книги. Изучая наиболее востребованный из пяти английских переводов эссе — перевод Гарри Зона, — Хаберпойнтнер обращает внимание на передачу в нем нескольких ключевых понятий Беньямина. Во-первых, это архитектурный образ аркады — череды соединенных друг с другом «просвечивающих» арок — как идеальной фигуры «дословности» (*Wörtlichkeit*) перевода в представлении Беньямина. Образ аркады, по замечанию Хаберпойнтнер, как никакой другой акцентирует проницаемость, «пористость» целевого языка в процессе

-
- 8 Ср.: «В то время как эта конечная суть — чистый язык — связана в языках только с собственными языковыми элементами (*das Sprachliche*) и их изменением, в произведениях она обременена тяжелым и чуждым смыслом. Разрешить ее от этого бремени, превратить символизирующее в само символизируемое, вновь обрести чистый язык, сформированный в языковом потоке — такова насильственная (*gewaltig*) и единственная способность перевода» (Беньямин В. Задача переводчика / Пер. с нем. Е. Павлова // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. статей / Сост. И. Чубаров, И. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. С. 267).
- 9 Чубаров И. Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 251.

перевода: «сквозь него можно смотреть, как сквозь аркаду», наблюдая «взаимодействие различных между исходным и целевым языками». «Невозможно исчезновение одного ради другого; оба узнаваемы и вступают в игру друг с другом именно в рамках отношений между словами» (с. 80):

Истинный перевод весь просвечивает, он не скрывает оригинала, не заслоняет ему свет, он позволяет лучам чистого языка беспрепятственно освещать оригинал, словно усиливая их своими собственными средствами. Этой способностью обладает прежде всего дословная, буквальная передача синтаксиса, именно она показывает, что слово, а не предложение является первичным элементом, мельчайшим кирпичиком для переводчика. Ибо предложение — это стена, встающая перед языком оригинала, а дословность — это аркада¹⁰.

В этом фрагменте переводчик на английский Гарри Зон перевел слово «аркада» (нем. *Arkade*, англ. *arcade*) так же точно, как это сделала переводчица на русский язык И. Алексеева в приведенной выше цитате. Переводческий казус случился позже, в момент перевода на английский язык беньяминовских «Пассажей». Текст этот был ошибочно озаглавлен «Аркады»¹¹, что вызывало ассоциацию с прежней, более ранней архитектурной фигурой из переводоведческого эссе, а не собственно с пассажирами как феноменом Парижа XIX в. — крытыми торговыми сооружениями из металлических балок со стеклянной крышей. Первое — архитектурная архаика, восходящая к античности, второе — символ технического прогресса «столицы XIX столетия». Хаберпойнтнер первой обратила внимание на существенную подмену, которая произошла в процессе усвоения двух ключевых образов Беньямина англоязычным миром.

Эффектом этой подмены оказывается произведенное *post factum* интуитивное читательское «оцельнение» теоретического наследия Беньямина, объективно предельно фрагментарного. В частности, благодаря единству образа аркады некоторые тексты периода работы над «Пассажами» воспринимаются рядом позднейших теоретиков культуры естественным продолжением переводоведческого эссе. Хаберпойнтнер приводит и подробно анализирует два таких примера. В частности, она показывает, как Теджасвини Нираджана в своей этапной для постколониальной теории монографии предпринимает попытку объединить теоретический посыл «Задачи переводчика» и импульс исторического материализма, представленный в поздних тезисах «О понятии истории» (1940)¹². Схожим образом и Рэй Чоу славляет в своем исследовании переводоведческий инструментарий Беньямина с методологическим посылом его поздних медиатеоретических работ, представленным прежде всего в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936)¹³. В обоих случаях Беньямин получает статус «анахроничного партнера постструктурализма, который призван исправить недочеты последнего» (с. 100).

10 Беньямин В. Задача переводчика / Пер. И. Алексеевой // Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе / Сост. А. Белобратов. СПб: Symposium, 2004. С. 41–42.

11 Benjamin W. The Arcades Project / Trans. by H. Eiland, K. McLaughlin. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. В недавно вышедшем отдельном русскоязычном издании этого труда ошибки нет: Беньямин В. Книга Пассажей / Пер. В.В. Котелевской, С.Л. Фокина. М.: Ad Marginem, 2025.

12 Niranjana T. Siting Translation: History, Poststructuralism and the Colonial Context. Berkeley: University of California Press, 1992.

13 Chow R. Primitive Passions: Visuality, Sexuality, Ethnography, and Contemporary Chinese Cinema. New York: Columbia University Press, 1995.

Продуктивность неточности — 2: *Fortleben*

В меньшей или даже в большей степени переводческая неточность в передаче одного из излюбленных слов-терминов Бенямина — *Fortleben* — становится основанием для движения позднейшей постструктуралистской мысли. Хаберпойнтнер отмечает сложность и глубину этого «мыслеобраза», который, тонко и точно описывая «продление» жизни оригинала в переводе, не остается равным себе в разных вариантах авторского словоупотребления (прослеженного исследовательницей вплоть до 1930-х гг.). Однако уже в «Задаче переводчика» этот термин предстает существенно амбивалентным:

Начнем с префикса *Fort-*. Он обозначает движение отстранения в пространстве, а также непрерывное движение вперед во времени. Если это амбивалентное, противоречивое понимание *Fort-* привязать к *Leben*, то открывается пространственно-временная многозначная сеть значений — между движением вперед в жизни и разлукой в смерти, между движением вперед от жизни и движением вперед к жизни. Эта сеть значений действительно, кажется, сплетается в единую нить, как только она [в переводе Зона. — Л.П.] выражается одним английским словом — *afterlife* [«загробная жизнь». — Л.П.] (с. 102)¹⁴.

Будучи в переводе Зона (1968) унифицированной до «загробной жизни», богатая семантика *Fortleben* испытывает еще одну метаморфозу, попав в контекст теоретизирования Жака Деррида, который в опоре на Бенямина развивает в 1970–1980-е гг. идею «выживания (фр. *survivre*) на границах»¹⁵. Именно это толкование *Fortleben* — со ссылкой на Бенямина, но сквозь призму Деррида — Хаберпойнтнер считает проявившимся в одиннадцатой главе «Местоположения культуры» Х. Бхабхи, где, собственно, и происходит обоснование парадигмы перевода культуры. У Бхабхи речь идет о «выживании» как неотъемлемом элементе мигрантского существования «между нативизмом и ассимиляцией»¹⁶. Теоретик постколониализма, таким образом, использует беняминовский образ, заимствованный у Деррида, «чтобы постичь темпоральность и перформативность, а также эмансипаторский потенциал перевода культуры» (с. 120) и одновременно продемонстрировать перевод культуры в действии, в неразрывной связке различия и повторения:

...невозможность определить значения раз и навсегда идет рука об руку с попыткой стабилизировать их посредством постоянного, итеративного повторения, которое лишь увековечивает производство культурных различий, поскольку даже в «повторении» значения воссоздаются в новых представлениях, контекстах, временных рамках и т.д.; они меняются в вечном, преобразующем *Fortleben* смысла (там же).

14 Ср. скорее описательную, но неизбежно неполную передачу значения *Fortleben* в двух наиболее авторитетных русских переводах: «продолжение жизни» (пер. Е. Павлова, см.: Бенямин В. Учение о подобии. С. 257) и «дальнейшая жизнь» (пер. И. Алексеевой, см.: Бенямин В. Маски времени. С. 30). Павлов, отдавая должное непередаваемой семантической насыщенности немецкого *Fortleben*, неизменно приводит это слово в скобках в оригинале.

15 В частности, исследовательница цитирует, помимо написанного по следам «Задачи переводчика» эссе «Вокруг Вавилонских башен» (1987), следующую работу: *Derrida J. Living On/Borderlines / Trans. by J. Hulbert // Deconstruction and Criticism / Ed. by N. Bloom et al. New York: Continuum, 1979. P. 75–176.*

16 *Bhabha H.K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. P. 224.*

Продуктивность неточности — 3: неперебиваемое в переводе

С книгой Бхабхи и его теорией постколониального субъекта связан и третий момент (в итоге продуктивной, как считает Хаберпойнтнер) переводческой неточности. Речь идет об обратной неперебиваемости перевода на язык оригинала. Приведем соответствующее место из «Задачи переводчика» в русском переводе:

Вырастая в переводе, оригинал как бы поднимается в более высокую, более чистую языковую атмосферу <...>, [являющую собой] недоступное царство примирения и исполненности языков. Он не весь (mit Stumpf und Stiel) входит в это пространство, однако его достигает то, что присутствует в переводе помимо передачи содержания. Более точно это существенное ядро можно определить как нечто, само по себе [повторно. — Л.П.] неперебиваемое (was an ihr [der Sprache] selbst nicht wiederum übersetzbar ist)¹⁷.

Именно конечное положение в этом пассаже, маркирующее наличие в переводе некоего «нового» элемента, уже не подлежащего обратному переводу (ключевое слово *widerum* — «снова», «повторно», недоуточненное, к сожалению, также и русским переводчиком) и, по Беньямину, собственно и являющего собой момент роста и *Fortleben* оригинала в переводе, было в англоязычном переводе Зона полностью нивелировано, превратившись в «элемент, который не поддается переводу»¹⁸.

В свою очередь, в книге американского теоретика это положение перерастает в тезис о неизбежном наличии при переводе культуры некоего «неперебиваемого» элемента как «элемента сопротивления», маркирующего «неразрешимость пограничного состояния, столь важного в контексте теории Бхабхи» (с. 136). Хаберпойнтнер солидаризируется с Бхабхой, который считает эту неразрешимость центральной «пограничной проблемой диаспоры, мигранта, беженца»¹⁹. «Неперебиваемость» как «элемент сопротивления» в контексте перевода культуры репрезентирует у Бхабхи, по мнению исследовательницы, «концепцию сообщества как перформативного дискурса, в котором позиции меньшинства несут в себе важнейший потенциал отчуждения и дестабилизации большинства таким образом, чтобы создать условия для нового чувства общности, которое может быть построено на аффилиативной солидарности» (с. 140–141).

В своем стремлении объективно представить весь спектр «посмертной жизни» Беньямина — теоретика перевода Хаберпойнтнер не только анализирует «продуктивное недопонимание» Бхабхой этого аспекта его переводческой теории, но и приводит мнения «ревнителей чистоты» беньяминовского наследия, критикующих Бхабху, подчас довольно резко, за неточное цитирование, «инструментализацию, деконтекстуализацию и однозначно метафорическое использование концепций Беньямина» (с. 149). Обвиняя Бхабху (в известной мере справедливо, как признает Хаберпойнтнер) в «сомнительной практике» работы с беньяминовскими текстами в контексте перевода культуры, авторы этих работ впадают в другую крайность, мобилизуя «правильное», полностью контекстуализированное и «буквальное» понимание Беньямина²⁰. «В этом процессе Беньямин, по иронии

17 Беньямин В. Задача переводчика / Пер. с нем. Е. Павлова. С. 261–262.

18 Benjamin W. The Task of the Translator / Trans. by H. Zohn // Benjamin W. Illuminations: Essays and Reflections. New York: Harcourt Brace, 1968. P. 75.

19 Bhabha H.K. Op. cit. P. 231.

20 Wagner B. Kulturelle Übersetzung. Erkundungen über ein wanderndes Konzept // Kakanien Revisited. 2009. July 23 (URL: www.kakanien-revisited.at/beitr/postcol/BWagner2.pdf);

судьбы, неизбежно присваивается именно в ходе попыток осудить его присвоение другими» (с. 149).

Заключение: перевод культуры как каннибализм

«Тексты Беньямина, не давая четких ответов, прививают способ чтения и мышления, в котором стремление к полноте находится в постоянном конфликте с осознанием ее невозможности» (с. 102), — это положение, взятое из середины рецензируемой книги, можно считать одним из ключевых ее тезисов и методологических посылов.

Своеобразной практической демонстрацией подобного обостренного беньяминовской теорией «чтения и мышления» — не без намека на «улыбку авгура» — становится приведенный в Заключении практический пример перевода культуры. Речь идет о культурном потенциале фигуры антропофага, стоящей в центре знаменитого «Манифеста антропофагии» (1928) бразильского поэта-модерниста Освальда де Андраде и развитой бразильским критиком, поэтом, прозаиком и переводчиком Аролдо де Кампосом в «Правиле антропофагии» (1980). В этом тексте, как показывает Хаберпойнтнер, представлена интерпретация национальной и литературной культуры Бразилии как основанной на антропофагии — «каннибальском» усвоении культуры европейской. Антропофагия как культурная метафора обретает собственную жизнь в последующих дискуссиях о постколониальном переводе и культурной теории. Контркультурная позиция (пост)колониального «каннибализма», по мнению Хаберпойнтнера, предстает дискурсом всеобъемлющей культурной, социальной и эпистемологической критики колониализма и, шире, идеологии Просвещения — с учетом всей сложности постколониальных отношений между Европой и Бразилией (Латинской Америкой), а также доколониальных культурных традиций. Как всегда в этой книге, и здесь анализ перевода культуры не обходится без Беньямина. В оптике Хаберпойнтнера практикуемый в культурной парадигме «каннибализма» перевод культуры оказывается в структурном отношении на удивление созвучен рассуждениям Беньямина о позиции «каннибала» как критика или сатирика в «Улице с односторонним движением» (1928) и эссе о Карле Краусе (1931).

На последней странице автор пишет: «Я анализирую способы перевода и восприятия Беньямина, фокусируясь на том, что было добавлено или приобретено в этом процессе» (с. 157). Не претендуя на открытия и откровения, Хаберпойнтнер достаточно убедительно демонстрирует, сколь полезным может быть пристальное прочтение первоисточников и ответственное, непредвзятое обращение с их сколь угодно «вольными» отзвуками в истории культуры и культурной теории.